

сдѣлалась какая-то вызывающая красота, безпобоющая людей. Она была во всей силѣ 30-лѣтней не рожающей, раскормленной и раздраженной женщины. Видъ ея наводилъ безпокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала къ себѣ ихъ взгляды“. Ревнивому супругу стало страшно. Онъ увидѣлъ далѣе, что въ жѣнѣ его проснулась потребность любви, но любви новой, чистой: „любовь съ огаженнымъ и ревностью и всякою злостью мужемъ была уже не то“. Заботы о дѣтяхъ были уже брошены, потому что за проснушеюся потребностью любви явились заботы о внѣшности своего тѣла, о нарядахъ. Позднышевъ замѣтилъ, что она начала оглядываться, на комъ остановиться, кого полюбить. вмѣстѣ съ ревностью Позднышевъ начинаетъ испытывать припадки дикой ненависти. Во всѣхъ ея движеніяхъ, поступкахъ онъ видитъ пороки, недостатки, желаніе первенствовать, желаніе показать свое отвращеніе къ нему. Ссоры вспыхиваютъ безпрестанно. И вотъ, когда ссоры между супругами стали принимать зловѣщія формы и повторяться чаще и чаще, когда уже было рѣшено, что жить вмѣстѣ они не могутъ, и готовился уже какой-то страшный выходъ,—въ это-то время и явился тотъ ожидаемый человѣкъ, который по мнѣнію ревниваго мужа и долженъ былъ быть непременно имъ. Это былъ Трухачевскій, пріѣзжій музыкантъ и фатъ, музыкантъ не профессиональный, а полупрофессиональный, полуообщественный, *дилетантъ*. Такіе люди любятъ музыку, но не потому, почему любятъ ее всѣ поэтическия натуры, а, главнымъ образомъ, только за то, что, благодаря звукамъ, которые они извлекаютъ изъ инструментовъ, они замѣтны въ обществѣ, на нихъ тамъ обращаютъ вниманіе, они нравятся. Одни изъ такихъ личностей дѣйствуютъ фізіономіей или изяществомъ манеръ, комильфотностью, которая такъ нравится нашимъ женщинамъ, а другіе—талантами. „Дрянной онъ былъ человѣкъ,—вспоминаетъ разкащикъ,—на мои глаза, на мою оцѣнку. И не потому, какое онъ значеніе получилъ въ моей жизни, а потому, что онъ дѣйствительно былъ такой. Впрочемъ, то, что онъ былъ плохъ, служило только доказательствомъ того, какъ невмѣняема была она. Не онъ, такъ другой, это должно было быть“... Разсуждать равнодушно Позднышевъ не могъ, потому что мысль о томъ, что жена его не то, что онъ самъ, что она